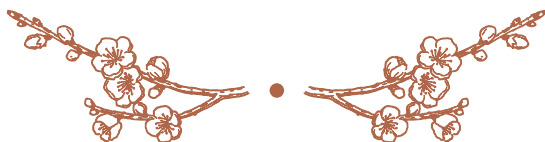

БУСИДО

КОДЕКС САМУРАЯ

НИТОБЭ ИНАДЗО

МОСКВА

УДК 355.4
ББК 68
Н69

Нитобэ, Инадзо.

Н69 Бусидо. Кодекс самурая / Инадзо Нитобэ ; [перевод И. Гольбиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 176 с. — (Стоик. Философия сильных. Подарочное издание).

ISBN 978-5-04-233009-4

«Бусидо» — это не просто свод правил воина, а философия чести, на которой сформирован характер целой цивилизации. Книга раскрывает основы пути самурая: верность и мужество, справедливость и милосердие, дисциплину духа и готовность нести ответственность за каждый свой выбор. Это размышление о внутренней силе человека, который остается верен себе даже перед лицом смерти.

Нитобэ Инадзо — мыслитель и дипломат, увековечивший в культуре образ самурая таким, каким его сейчас знает весь мир.

Подарочное иллюстрированное издание дополнено редкими японскими гравюрами, передающими эстетику традиционной Японии.

УДК 355.4
ББК 68

© Перевод Ирины Гольбиной, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-233009-4

梅香雪裏

Моему дорогому дяде Токитоси Отэ, который научил меня почитать прошлое и восхищаться подвигами самураев, я посвящаю свою скромную книгу.

Петляет путь среди неровных скал,
И тот, кто на пути, не видит цели
И узкую тропу готов уж потерять.
Но тот, кто из долины взглянет,
Увидит ясную, понятную дорогу
От основанья вверх до гребня гор.
Но что за щели и овраги
Прорезали распаханную землю
Со всех сторон, куда ни кинешь взгляд?
Быть может, те овраги суть мираж
И видимость для тренировки глаза,
Чтоб человека вере научить.

Роберт Браунинг.

Апология епископа Блуграма, 1855

Существуют, если можно так выразиться, три могущественных духа, которые, носясь временами над поверхностью вод, придали преобладающий импульс нравственному чувству и энергиям человечества. Это духи свободы, религии и чести.

*Генри Галлам. Взгляд на состояние Европы
в средние века, 1818*

Рыцарство — сама поэзия жизни.

Фридрих Шлегель. Философия истории, 1829

白井権八

白井権八

彫工 政

神田 堀越

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лет десять назад, во время моего недолгого пребывания под гостеприимным кровом знаменитого бельгийского юриста, ныне покойного господина де Лавелье, во время одной из наших бесед мы коснулись вопроса религии. «Не хотите ли вы сказать, — обратился ко мне с вопросом почтенный профессор, — что в ваших школах религию не преподают?» Пораженный моим отрицательным ответом, он повторил тоном, которого мне никогда не забыть: «Нет религии! Но как же вы учите нравственности?» В тот момент вопрос поставил меня в тупик. Мне нечего было сказать на него, потому что представления о нравственности, усвоенные мною в раннем детстве, давались не в школе; лишь взявшись анализировать, из чего сложились мои понятия о добре и зле, я обнаружил, что это Бусидо вдохнуло их мне в ноздри.

А к написанию этой книги меня подтолкнули частые вопросы жены о том, почему те или иные обычаи и нравы бытуют в Японии.

В попытке дать удовлетворительные ответы господину де Лавелье и собственной супруге я пришел к выводу, что без представлений о японском феодализме и Бусидо мораль и нравственность нынешней Японии останутся для интересующихся тайной за семью печатями.

Пользуясь вынужденным бездельем во время продолжительной болезни, я записал и упорядочил, а ныне представляю на суд читателя некоторые ответы, которые давал в наших домашних беседах. Преимущественно они заключаются в том, чему меня учили и о чем рассказывали в дни моего детства, когда феодализм еще существовал.

После Лафкадио Херна и миссис Хью Фрейзер, а также сэра Эрнеста Сатоу и профессора Чемберлена писать о Японии по-английски — задача не из легких. Мое преимущество в данном случае в том, что я лично могу выступить в роли ответчика, в то время как эти прославленные авторы были в лучшем случае адвокатами и поверенными. Я часто думал: «Обладай я их литературным даром, я представил бы дело Японии в куда более красноречивой манере!» Но тому, кто говорит на чужом языке, следует радоваться, если получится хотя бы доходчиво изложить свои соображения.

В дальнейшем повествовании я стараюсь иллюстрировать свои тезисы примерами из европейской истории и литературы, исходя из предположения, что так они станут понятнее для иностранных читателей.

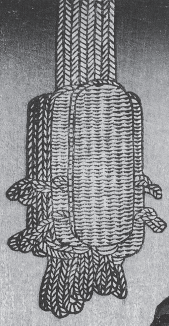

Несмотря на то что некоторые мои намеки на религиозные темы и служителей религии могут показаться оскорбительными, думаю, мое отношение к христианству как таковому под вопрос не ставится. Я не испытываю симпатии к формам и канонам, которые затрудняют понимание учения Христа, а не к собственно учению. Но я принимаю веру, которой Христос учил нас и которую передал нам в Новом Завете, а также в законе, «написанном на сердце». Также я убежден, что Господь заключил завет, который называется «Ветхим», со всеми народами — иудеями и не иудеями, христианами и язычниками. Относительно прочих моих религиозных убеждений я не стану испытывать терпение аудитории.

В довершение сего предисловия я выражаю благодарность моему доброму другу Энн К. Хартшорн за ее ценные рекомендации.

*Инадзо Нитобэ, Малверн,
Пенсильвания, декабрь 1899 г.*

太平治

一
國
齋
方
色

БУСИДО КАК ЭТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Рыцарство — цветок столь же родной для японской почвы, как и его эмблема, цветущая ветвь сакуры; оно отнюдь не является засушенным образцом устаревшей добродетели, хранящимся в гербарии нашей истории. Это до сих пор живой пример красоты и силы, и если у него нет осязаемой формы, это не значит, что он меньше влияет на нравственность и не оказывает на нас своего мощного воздействия. Общественные условия, взрастившие и поддерживавшие его, давно канули в прошлое, но как дальние звезды, что успели погаснуть, до сих пор посылают нам свои лучи, свет рыцарства, порожденного японским феодализмом, по-прежнему озаряет нам путь, пережив феодализм как институт. Для меня наслаждение рассуждать об этом феномене на языке Берка, написавшего знаменитую трогательную апологию на смерть своего европейского идеала.

Прискорбным отсутствием информированности относительно Дальнего Востока вызваны заявле-

ния о том, что рыцарство и любые похожие на него феномены не свойственны древним народам и современному Востоку, изуст таких прославленных ученых, как, например, доктор Джордж Миллер. Подобное невежество, однако, совершенно простительно, поскольку третье издание работы этого ученого вышло в тот же год, когда коммодор Перри постучался в ворота наших изолированных от остального мира земель. Более десятилетия спустя, когда японский феодализм доживал последние дни, Карл Маркс в «Капитале» призвал своих читателей к изучению социальных и политических институтов феодализма, сохранившихся в живой, непосредственной форме только в Японии. Точно так же и я призываю западных ученых, занимающихся историей и этикой, изучить дух и кодекс рыцарства в Японии современной.

Сколь бы соблазнительно ни было сопоставить европейский и японский феодализм и рыцарство, такое сравнение не является целью моего исследования. Я скорее попытался описать, *во-первых*, происхождение и основы нашего рыцарства; *во-вторых*, его характер и учение; *в-третьих*, его влияние на массы; и, *в-четвертых*, продолжительность и постоянство такого влияния. Из этих пунктов первого я касаюсь коротко и бегло, дабы не заводить читателя в дебри нашей национальной истории; второй освещаю подробнее как наиболее занимательный для всех интересующихся мировой этикой и компаративной этологией; а к остальным отношусь как к следствиям.

Японское слово, которое я приблизительно перевел как «рыцарство», в оригинале имеет гораздо больше значений. «Бу-си-до» означает буквально «обычаи рыцаря-воина», то есть те правила, которые воин-аристократ должен соблюдать как в повседневной жизни, так и на поле брани, своего рода «Рыцарский кодекс», или *noblesse oblige*, воинского сословия. Обозначив, таким образом, его буквальное значение, я буду в дальнейшем использовать данное слово в оригинале. Использование исходного термина предпочтительней и по той причине, что учение столь уникальное и тонкое, выражающее характер и склад ума столь необычный и столь ограниченный территориально, должно носить и особенное название; некоторые слова имеют такой национальный отпечаток, что даже лучшие из переводчиков способны лишь отчасти отдать им должное, не исказив и не обезличив.

У кого получится передать в переводе немецкое «Gemuet» — душа — и кто не почувствует разницы между английским «gentleman» и французским «gentilhomme»?

Бусидо, таким образом, является кодексом моральных принципов, которые рыцари должны были и призывались соблюдать. Кодекс этот неписанный; в лучшем случае он состоит из нескольких афоризмов, передававшихся изустно или выходявших из-под пера известных воинов и мудрецов. Не имея строго закрепленной формы, он обладал силой документа, записанного непосредственно в сердцах. В его основе лежали не рассуждения

философа, пусть и мудрого, и не подвиги воина, пускай и прославленного. Бусидо складывался естественным образом на протяжении нескольких веков сражений и войн.

Можно сказать, что в истории этики Бусидо имеет не меньшее значение, чем английская конституция в политической истории, хотя в нем нет ничего общего с Великой хартией вольностей или «Хабеас корпус». Действительно, в начале XVII в. были изданы «Законы о военных домах» Букэ Сёхатто, но тридцать кратких пунктов этих законов посвящались преимущественно бракам, недвижимости, заключению союзов и прочим организационным моментам, лишь мельком касаясь нравственных вопросов. Мы не можем с уверенностью утверждать, что стало источником Бусидо. И лишь на том основании, что общество осознало его существование в феодальную эпоху, можно говорить, что Бусидо является производной феодализма. Однако феодализм сплетается из множества нитей, и такая же сочетанная природа свойственна Бусидо. Если относительно Англии можно сказать, что ее феодальные политические институты возникли после норманнского завоевания, то про Японию так же верно, что ее подъем произошел одновременно с приходом к власти Ёритомо в конце XII в. Но как в Англии мы находим социальные элементы феодализма в период, предшествовавший Вильгельму Завоевателю, так и зерна феодализма в Японии были посеяны задолго до упомянутого подъема.

В Японии, как и в Европе, с формальным закреплением феодализма естественным образом возвысился класс профессиональных воинов. Они были известны как *самурай*, что в буквальном переводе означает, подобно древнеанглийскому *cniht* — рыцарь, телохранитель или стражник. Схожие функции выполняли *soldurii* в Аквитании, о которых упоминал Цезарь, или *comitati*, которые, по словам Тацита, повсюду сопровождали германских вождей; или, если обратиться к более поздней параллели, *milites medii*, фигурирующие в истории средневековой Европы. Японское слово *бу-ке*, или *бу-си* (рыцари-воины), вошло в обиход в это же время для обозначения представителей привилегированного класса, суровых мужчин, сделавших сражение своей профессией. На протяжении длительного периода постоянных междоусобиц этот класс пополнялся самыми отчаянными и храбрыми, а слабые и трусливые естественным образом исключались из него. Выживала лишь, как выразился Эмерсон, «обладавшая животной силой, грубая порода, мужественная до мозга костей», из которой и образовались семьи и кланы *самураев*. Завоевав для себя немалое уважение и получив значительные привилегии, к которым прилагалась и ответственность, самурай ощутил потребность в общем кодексе поведения, поскольку кланы жестоко конфликтовали. Как врачи, которые не конкурируют друг с другом благодаря профессиональной этике, или юристы, подлежащие суду чести в случае отступления от этических норм,

воины должны иметь свод правил, на основании которого понесут наказание за неблагоприятные поступки.

Будьте честны в бою! Не в этом ли призыве коренятся зерна нравственности, несмотря на его примитивность и наивный характер? Не к нему ли восходят все добродетели, как военные, так и светские? Мы посмеиваемся (как будто сами переросли его!) над мальчишеским желанием юного британца Тома Брауна «сохранить за собой известность человека, который не обижал слабых и не пасовал перед сильными». Но в то же время кто не согласится, что это желание — краеугольный камень, на котором зиждутся мощные постулаты нравственности? Думаю, не обязательно напоминать, что и самая миролюбивая и кроткая религия основывается на нем же. Желание Тома — фундамент, на котором строилось величие Британской империи, и Бусидо, как мы вскоре убедимся, стоит на таком же прочном пьедестале. Если борьба сама по себе, в защите или нападении, по справедливому замечанию квакеров, жестока и несправедлива, мы все равно имеем право повторить вслед за Лессингом, что «знаем, из каких пороков вырастает добродетель».

«Трус» и «подлец» — самые жестокие оскорбления для простой, здоровой природы. Эти представления мы усваиваем в раннем детстве, как и представление о «рыцарстве», но по мере того, как наша жизнь усложняется, а отношения запутываются, ранние убеждения начинают нуждаться

ся в подтверждении от вышестоящих и в более рациональных источниках, чем собственное мнение, для дальнейшего следования им. Если бы военное сословие действовало само по себе, без морального одобрения свыше, идеалы рыцарства далеко ушли бы от тех, что мы знаем сейчас. В Европе эти идеалы упрочились за счет христианских ценностей. «Религия, война и слава — вот три начала истинного рыцаря-христианина», — писал Ламартин.

孫
七

およ
孫

一
三
齋
國
世
才
色
翁

